

Д. СИЛЬВЕРМЕН

ЧТО СЧИТАТЬ КАЧЕСТВЕННЫМ ИССЛЕДОВАНИЕМ? ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩИЙ КОММЕНТАРИЙ

СИЛЬВЕРМЕН Дэвид – почетный профессор департамента социологии Голдсмитского колледжа, приглашенный профессор департамента менеджмента Королевского колледжа Лондона, Лондон, Великобритания; приглашенный профессор школы бизнеса Сиднейского технологического университета, Сидней, Австралия (d.silverman@gold.ac.uk).

Аннотация. Многие докторанты (PhD students) неосознанно начинают как натуралисты или эмоционалисты. Они проводят исследования посредством интервью для выявления чувств и мнений людей по какой-либо очевидной проблеме. Анализ нескольких номеров одного журнала показал, что это наивное использование данных интервью стало общим местом качественных исследований. Критикуя одну из таких статей, я продемонстрирую, как исследования, основанные на интервью, порой просто воспроизводят собственные рассказы информантов, дополняя их (для отвода глаз) несколькими категориями социальной науки. Сосредоточившись на «извлечении» из интервью подходящих фрагментов, подобного рода исследователи не учитывают принципиального значения последовательности наших высказываний и действий. Однако без этого качественные исследования так и будут оставаться просто набором процедур и не сумеют подняться до уровня аналитического проекта, отличного от журнализма.

Ключевые слова: качественные исследования • интервью • анализ данных • социальная теория

DOI: 10.31857/S013216250006160-9

У этой статьи как журнальной публикации необычная история. Она началась с выступления на секции «Встреча с автором» в рамках научной конференции. В ней я связал сказанное мною в одной из книг [Silverman, 2011] с более широким обсуждением современного состояния качественных исследований. Замечания моих коллег на других секциях той же конференции придали мне оптимизма по поводу затрагиваемой здесь проблемы. Но, как я покажу, критикуя одну журнальную статью, все может пойти не столь хорошо.

Начну с краткого изложения специфики четвертого издания «Интерпретации качественных данных» (ИКД) [Silverman, 2011], представляющей собой вводный учебник по качественным методам для учащихся младших курсов и дополняющей книгу «Проведение качественных исследований» для студентов-старшекурсников [Silverman, 2013]. ИКД – не просто пособие по исследовательским проектам, а введение в теорию, методы и практику качественных исследований. Это отражено в трех новых главах упомянутого издания. В главе про дизайн исследования (research design) я постарался показать трудности, с которыми сталкиваются студенты, выполняя пробный исследовательский проект, и предложить ряд простых решений. В другой главе, посвященной анализу данных, подробно разбираются типичные проблемы первой «встречи» с данными. Она включает разделы, касающиеся современных подходов к анализу данных, включая обоснованную теорию (grounded theory) и анализ нарративов. В еще одной новой главе – о фокус-группах – детально обсуждается то, как надо анализировать данные фокус-групп. Однако в целом базовая философия книги [в новом издании] не изменилась. Суть ее состоит в следующем:

– качественное исследование не сводится к простому набору процедур, приспособляемых к любой конкретной исследовательской проблеме;

– это означает, что важно сконцентрироваться на анализе данных, а не только на их сборе;

– так, в самом начале качественного исследования вопросы, связанные с анализом, должны стоять на первом месте. Вопреки общей тенденции выбирать любую социальную проблему и сосредоточиться на ней, я пытаюсь показать, что исследовательские проблемы – на любом этапе – должны быть определены аналитически;

– однако это не значит, что мы должны бездумно следовать качественной модели предварительной гипотезы, основанной на заранее определенных переменных. При проведении качественных исследований лучше всего постепенно продвигаться в изучении проблемы, сопоставляя полученные данные с тем, «что» и «как» происходило в процессе их сбора;

– представляя свою позицию, я исхожу из принципов *конструктивизма*, отказывающегося считать само собой разумеющимися версии того, как устроен этот мир, и стремящегося обнаружить экстраординарное в обычных проявлениях повседневной жизни.

Другие выступления на [вышеупомянутой] конференции показали, что не один я придерживаюсь такой позиции. Говоря об исследованиях «эмоций», М. Кузенбах (Margarethe Kusenbach) и Д. Лозек (Donileen Loseke) предлагают вместо выявления психических состояний индивидов сосредоточиться на том, как конструируются «эмоции» в естественных условиях. Примерно то же самое имеют в виду Гольштейн и Габриум [Gubrium, Holstein, 2011], когда отказываются рассматривать данные интервью просто как отражение состояний ума и заявляют о необходимости изучать социальную организацию речи в ситуации интервью в контексте его «сценических» ресурсов. По мнению Томаса Лукмана, подобная антипсихологическая перспектива есть следствие подворота к обыденному языку, берущего свое начало в трудах А. Шютца. Этот поворот подкрепляется предположением П. Аткинсона (Paul Atkinson), что мы переосмысливаем на первый взгляд «мелкие» события в качестве событий экстраординарных, со сложными «хореографиями».

Несомненно, эта позиция до определенной степени противоречит многим традиционным представлениям о хорошей исследовательской практике. Так, придерживаться конкретной исследовательской стратегии считается у наших коллег-количественников стандартом хорошей практики. Однако этого может оказаться недостаточно, когда мы стремимся найти ответ на вопрос: «Что здесь происходит?» Для того чтобы должным образом задокументировать хореографию и сценические ресурсы какой-либо ситуации (*milieu*), нам обычно приходится искать новые кейсы и новые источники данных, пока мы еще в поле. Недаром М. Акерстрём (Malin Åkerström) обращает особое внимание на то, как часто в хороших качественных исследованиях случаются резкие повороты, связанные с переосмыслением исследовательской задачи и изменением требований, предъявляемых к данным.

Несмотря на описанный мною консенсус, было бы неверно полагать, что качественныеистики достигли согласия относительно своего ремесла. Наше поле без сомнения «до-парадигмально» в терминах Томаса Куна. Рекомендуемая в данном случае конструктивистская позиция постоянно оспаривается натуралистами и психологически ориентированными эмоционалистами, которые, видимо, находятся под влиянием лингвистического поворота или даже не подозревают о нем (см.: [Gubrium, Holstein, 1997]).

Если же присмотреться к студентам, пишущим якобы «качественные» диссертации, то картина складывается крайне печальная. В течение последних двадцати лет я провожу для таких студентов мастер-классы по многим социальным наукам на четырех континентах. Многие из них не имеют никакого представления о теоретических основах данного подхода. Будучи в большинстве своем стихийными натуралистами или эмоционалистами, они обычно используют метод интервью, чтобы узнать, какие «чувства» люди «испытывают» относительно очевидной социальной «проблемы».

Мои наблюдения, конечно, не носят систематического характера. Тем не менее, и Б. Чарнявска (Barbara Czarniawska) [2012] указывает на это, они вполне согласуются с тем, какая пропасть разделяет возможности, имеющиеся в распоряжении признанных ученых, и

скудные ресурсы студентов-исследователей, накладывающие естественные ограничения на их работу. На тех кафедрах, за которыми закреплено большинство из них, очень немногие преподаватели обладают опытом проведения качественных исследований, где требуется заранее определиться с постановкой задачи, процедурами измерения и гипотезами.

Конечно, институциональный контекст студенческих исследований не ограничивается исключительно культурой их кафедр. Что видят студенты на страницах журналов по социальным наукам, специализирующихся на качественных исследованиях?

Пару лет назад я провел краткий обзор одного такого журнала – восемь номеров *Qualitative Research in Organizations and Management* за 2008–2009 гг. Из 18 статей, опубликованных за этот период, в 16-ти использовались данные, полученные с помощью интервью, в одной – данные фокус-групп и еще в одной был представлен анализ документов. Как бы ни были важны для качественных исследований спонтанным образом произведенные данные (*naturalistic data*) (см.: [Potter, Hepburn, 2007]), все говорит о том, что большинство исследователей-качественников не задумываясь делают выбор в пользу данных, получаемых посредством интервью с открытыми вопросами (*open-ended interviews*).

Конечно, «хороших» самих по себе данных не существует, это все знают. Поэтому, с одной стороны, каких-либо принципиальных оснований отвергать данные интервью нет, ибо все зависит от вашей исследовательской задачи. С другой, мы стремимся прежде всего к разумному и критическому осмыслению того, как анализируются те или иные данные.

В этом отношении шестнадцать статей, основанных на интервью, очень разочаровывают. В пятнадцати из них с данными обращаются просто как с окном, через которое можно «посмотреть» на чувства и ощущения опрошенных (*window on experiences*). Для авторов этих статей, похоже, лингвистического поворота никогда не случилось. Исключение составляет один-единственный материал, написанный с позиций конструктивистского подхода, где прямо говорится, что к интервью следует относиться как к ситуативному отчету. К сожалению, мне остается лишь недоумевать, почему редакторы академического журнала в конце первого десятилетия двадцать первого века сочли данный пассаж [про понимание сути интервью. – *Прим. ред.*] заслуживающим внимания.

Эти немногочисленные наблюдения все же позволяют составить кое-какое представление об институциональном контексте, в котором формируются молодые исследователи-качественники. Однако не стоит забывать и о более широком культурном контексте. Он также может повлиять на их понимание «хорошего» исследования. Несколько лет назад П. Аткинсон и я высказали идею, что мы живем в «обществе интервью» [Atkinson, Silverman, 1997]. В современном мире интервью рассматривается в качестве само собой разумеющегося средства, позволяющего понять мысли и эмоции других. Например, информация о преступлениях кажется неполной без интервью с жертвами или родственниками погибших. Или возьмем другой случай – Олимпийские игры в Лондоне. Телерепортажи тогда отнюдь не ограничивались трансляцией самих соревнований. На многих каналах большую часть эфирного времени занимали беседы со спортсменами и членами их семей, а также обсуждение биографий атлетов. Интервью перед состязаниями и после них были заполнены вопросами: «Что вы чувствовали?» И прежде чем отвечающий успевал открыть рот, запыхавшийся комментатор вставлял свое: «Что должен(на) он(а) чувствовать?»

О чем это говорит? Во-первых, чтобы использование интервью именно в таком виде было возможным, мы должны думать о себе как об отдельном, дискретном индивиде, обладающем личными опытом и целями. Превращение самого себя (*self*) в подходящую тему для повествования – относительно новый, судя по всему, феномен. Например, в феодальных или аристократических обществах человек воспринимал себя прежде всего как члена определенного коллектива, будь то крестьянин, представитель знати или еще кто-то.

Во-вторых, интервью предполагает наличие субъекта, готового с радостью поделиться своими сокровенными мыслями и эмоциями с квалифицированным профессионалом. В качестве такого принимающего «исповедь» профессионала сегодня обычно выступает уже не священник, а врач или репортер.

В-третьих, общество интервью нуждается в технологиях массовой коммуникации и мифах, способных придать новый, неожиданный поворот, без сомнения, вечному противостоянию приватного и публичного, обыденного и сенсационного. Судя по родственникам погибших, регулярно появляющимся на телеэкранах, такие технологии и мифы порождают субъектов, не только готовых поведать о своих переживаниях, но и, похоже, чувствующих, что их некогда приватные эмоции как бы получают подтверждение, будучи излитыми интервьюеру от СМИ.

Полагаю, общество интервью неявным образом повлияло на то, каким в основном видится качественное исследование. Несколько лет назад мне попало мое объявление о конкурсе на должность исследователя того, «как психосоциальное неблагополучие связано с наличием астмы и лечением от нее». Согласно тексту объявления, эту проблему предполагалось изучать методом качественного интервью. Сразу возникает вопрос: как может качественное интервью помочь в решении данной задачи? Причем дело не в том, что больные астмой будут не в состоянии отвечать на вопросы о своем прошлом, и не в том, что они, скорее всего, будут говорить неправду или вешать лапшу на уши интервьюеру. Просто они, как и все мы, говоря о прошлом, будут согласовывать свой рассказ со своим нынешним состоянием (в данном случае, с наличием хронического заболевания), делать акцент на одних событиях и преуменьшать значение других. Иными словами, интервьюер получит ретроспективную «переписанную историю» [Garfinkel, 1967], имеющую не понятно какое отношение к ключевой проблеме исследования. Это не значит, что в рамках такого качественного исследования не может быть собран ценный материал. Просто я бы предложил анализировать его в несколько ином ключе – как рассказ о болезни, где «причины» и «связи» не более чем обороты речи.

Напротив, количественное исследование кажется гораздо более подходящим для изучения указанной проблемы. Количественные опросы способны охватить существенно больше людей, нежели качественные интервью, что позволяет учесть в выводах значительно более широкий круг населения. Более того, такие опросы используют стандартизированные, надежные методы измерения для установления «фактов», имеющих непосредственное отношение к исследуемой проблеме. И вовсе не стоит сводить количественные исследования к опросам или интервью. Если бы я хотел получить надежные, обобщенные данные о связи между этими двумя переменными (психосоциальное неблагополучие и наличие астмы), я бы начал с просмотра больничных записей.

Создается впечатление, будто это исследование астмы проектировалось в терминах весьма ограниченной, хотя и распространенной концепции разделения труда между качественными и количественными исследованиями. Последние имеют дело с данными о поведении, тогда как качественные исследования считаются областью, где посредством небольшого числа слабоструктурированных интервью изучается глубинный опыт людей. Отсюда вытекают две грубейшие, на мой взгляд, ошибки в дизайне качественных исследований. Первая – неспособность понять, что для решения некоторых задач качественные исследования оказываются предпочтительнее. Конечно, задачу выявления причинной связи, заявленную в вышеупомянутом исследовании, лучше решать посредством анкетного опроса по большой выборке пациентов-астматиков или анализа больничных документов, позволяющих сделать вывод о наличии или отсутствии корреляционной связи между диагнозом «астма» и обращением к социальным работникам и/или профессионалам в области психического здоровья.

Вторая серьезная ошибка – дизайн исследования не учитывает широкий потенциал качественных исследований в изучении таких вещей, как жизненный путь пациентов с астмой. Почему качественные исследования не могут изучать поведение? Например, что мешает провести этнографическое исследование и выяснить, расспрашивают ли (и если да, то каким образом) доктора в больницах и представители органов первичного ухода за больными своих пациентов об их психосоциальных проблемах? Почему бы не обратиться к изучению материалов в органах социальной работы и больничных конференций,

чтобы понять, признается ли наличие данной проблемы, и если да, то какие ответные меры предпринимаются? Короче говоря, почему качественное исследование сводится исключительно к исследователю, задающему вопросы респондентам?

Кроме всего прочего, дизайн [качественного] исследования предполагает ознакомление самих респондентов с главной исследовательской задачей, что приводит к двум проблемам. Первое, и применительно к количественным исследованиям это всем давно известно, если респонденты знают о целях исследования, это может повлиять на их ответы. Второе, это может обернуться так называемым ленивым исследованием, где тщательный анализ данных подменяется простым воспроизведением того, что сказали люди.

Клив Сил (Clive Seale) подчеркивает: «...это крайне распространенная проблема, свойственная всем видам исследований, однако чаще других от нее страдают исследования, где по ошибке используется качественная стратегия поиска ответа на вопрос, для изучения которого больше подходит эксперимент или квазиэкспериментальная стратегия. Допустим, некто собирается выяснить, есть ли положительная связь между телеэкранном насилием и насильственным поведением. И вот вместо опроса людей о том, какие передачи они смотрят по телевизору, и параллельного выявления их склонности к насилию, чтобы затем посмотреть, существует ли [между данными переменными] корреляция (при этом, конечно, надеясь, что никаких ложных причин для такой корреляции нет), он просто берет группу людей и спрашивает у них что-то вроде: "По-вашему, просмотр телепередач провоцирует насилие?" (личное мнение о наличии связи)».

Для того чтобы вы лучше меня поняли, я приведу еще один пример исследования, основанного на интервью. Лаура Шерд [Sheard, 2011] занимается изучением широко обсуждаемой проблемы употребления алкоголя женщинами и тех опасностей, которыми они подвергают себя, отправляясь вечером выпивать. Она взяла интервью у 40 женщин на севере Англии об их практиках использования пространства ночных заведений и употребления алкоголя.

В этой связи возникает вопрос: почему при выборе метода предпочтение было отдано именно интервью? Шерд отвечает следующим образом: «...суть качественного исследования заключается в понимании социального мира через призму восприятия, установок, чувств отдельных людей. Глубинное интервью – это наилучший из возможных способов получить доступ к чувствам, мыслям и мнениям женщин по такому щепетильному вопросу, как личная безопасность, посредством "целевой беседы" ("conversation with a purpose") <...> Этот метод был выбран вместо других качественных методов, фокус-группы, например, или включенного наблюдения, потому что только он позволяет "извлекать" ("mining") все то обилие материала, которое необходимо для изучения столь щепетильного, индивидуального и зависящего от контекста явления» [Sheard, 2011: 623].

Заметьте, Шерд связывает качественные исследования с «восприятием, установками и чувствами» индивидов. На наш взгляд, эта распространенная точка зрения не учитывает особенности социальной организации. Однако сейчас мы, пожалуй, остановимся подробнее на озвученной Шерд трактовке интервью как «извлечения» («mining»). Что же представляет собой это извлечение на практике?

Мы найдем ответ на этот вопрос, заглянув в отчет Шерд. Протицирую один отрывок из него: «...быть одной и находиться там, где употребляют алкоголь (alcohol-centered spaces) – об этом говорили многие женщины. Некоторые никогда не пойдут в паб одни, даже ради встречи с кем-то. Одна женщина намеренно опаздывает на встречу с друзьями минут на 15, чтобы не оказаться в пабе или баре одной» [Sheard, 2011: 624].

Есть нечто общее в этих словах Шерд и тем, что мог бы написать по поводу таких интервью какой-нибудь журналист. В обоих случаях, полагаю, перед нами простое описание высказываний людей по исследуемой теме. И для журналистов, и для интервьюеров-качественников сказанное людьми – это (более или менее точный) отчет о том, что они думают и чувствуют в связи с обсуждаемой проблемой. И их дословные высказывания используются в качестве подтверждения предлагаемой интерпретации.

Вот один из примеров. По наблюдениям Шерд, «некоторые пожилые женщины считают, что им не нравится или они избегают находиться в пабе одни в силу их возраста и поколенческих особенностей» [Sheard, 2011: 624]. Далее она приводит отрывок из самого интервью.

Отрывок 1. Интервьюер: «Как вы обычно ведете себя, посещая такие места, как паб или бар, или иные места, где употребляют алкоголь?»

Информант: «Да, я действительно хожу в паб, но только с мужем. Я никогда не остаюсь в пабе одна. Я никогда не хожу туда сама. У меня нет для этого причин. Если я назначала кому-нибудь встречу, я всегда делала это снаружи, а уже потом мы вместе заходили внутрь».

Интервьюер: «Почему именно так [вы поступаете. – Прим. ред.]?»

Информант: «Не знаю. Может быть, дело в моем возрасте и убеждении, что женщинам не следует ходить в паб в одиночку... Как я сказала, я бываю там с мужем и с дочерью, но никогда одна. Хотя сейчас многие женщины ходят туда одни, не так ли?» (Мэри, 47 лет, уборщица) [Sheard, 2011: 624].

В представленном фрагменте обращают на себя внимание два момента. Первое, в этом транскрипте нет указаний на паузы, повторы, выделение голосом, присущие нашей повседневной речи. Таким образом, определенный аспект взаимодействия, позволяющий судить о том, как участник понимает и воспринимает происходящий разговор, оказывается утраченным.

Второе, информация, которую Шерд приводит в скобках, вызывает много вопросов. Люди идентифицируют себя с гораздо большим числом характеристик, а не только с именем, возрастом, родом занятий. К таким характеристикам, например, могут относиться семейное положение, сексуальные предпочтения, привычки проводить свободное время и т.д. В итоге, формируя набор индикаторов, Шерд подталкивает своих читателей к соответствующему набору интерпретаций. А это отвлекает внимание от иных значимых категорий, используемых самим информантом.

Более того, как и многие качественные интервьюеры, Шерд просто излагает своими словами то, что было сказано информантами, используя при этом термины самого участника беседы (например, «возраст») вперемешку с категориями социальной науки (например, «поколенческие особенности»). Она просто не обращает внимания на то, как мы формулируем наши ответы в терминах задаваемых вопросов и как идентифицируется спрашивающий (в данном случае как исследователь).

На самом деле в этом фрагменте содержится указание на еще один неявный момент. Так, первый вопрос интервьюера мог быть услышан как вопрос об «описании». По окончании ответа на него она могла бы задать другой вопрос об «описании», но вместо этого она спросила: «Почему именно так?»

Для повседневного общения, в отличие от судебных заседаний, экспертиз по определению размера страховых выплат, школьных уроков, описаний обычно бывает достаточно, большего и не требуется. Если, как в нашем случае, задать вопрос «Почему именно так?», его могут воспринять как *настоятельное требование* отчитаться за свое поведение. Примечательно, что отвечая на этот вопрос, информант Шерд словно обороняется:

- начав с «не знаю», она говорит затем «может быть»;
- ссылается на свой возраст как на оправдание своего поведения;
- неявно признает, что ее поведение может быть старомодным («Хотя сейчас многие женщины ходят туда одни, не так ли?»);
- приглашает согласиться с этим утверждением («не так ли?»).

Итак, сосредоточившись на «извлечении» из интервью подходящих фрагментов, Шерд, как и многие другие интервьюеры, не учитывает принципиального значения *последовательности* наших высказываний и действий. Впрочем, и за это надо отдать ей должное, в Отрывке 1 она хотя бы приводит довольно длинный фрагмент беседы, включающий также вопросы интервьюера.

К сожалению, в других местах Шерд ограничивается простым цитированием ответов без вопросов и делает это исключительно в целях подтверждения собственной интерпретации полученных данных (см. Отрывок 2).

Отрывок 2. Шерд утверждает: «Сообщения в прессе и СМИ о женщинах, которых изнасиловали, пока они находились под действием наркотического препарата [women being “drug-gaped”], занимают центральное место в сознании информантов. Они очень осторожно относятся к употреблению алкоголя, опасаясь, как бы им что-нибудь не подмешали в напиток [victim of drink spiking].»

Затем она приводит цитату с пояснениями самой женщины: «Я очень внимательно слежу за своим напитком и тем, где он находится, стараюсь не оставлять его без присмотра. Точно так же я поступаю, если в баре находятся девушки [когда она работает барменом. – Л.Ш.], я им в этом случае говорю: “Не оставляйте свои напитки на этом бильярдном столе”, потому как одной секунды хватит, так ведь? Сами вы не сможете защитить себя на все сто процентов, ведь за ту секунду, что вы отвернулись от бара, а потом повернулись обратно, там уже может что-то оказаться. Думаю, нужно быть просто очень внимательной к тому, кто находится рядом и где ваш напиток» (Зои, 22 года, работник бара) [Sheard, 2011: 627].

Хотя в Отрывке 2 приводится довольно длинный фрагмент высказывания Зои, мы просто не знаем, как соотносятся эти ее слова с предшествующим им рассказом, и можем лишь умозрительно предположить, что она выстраивала данный ответ в соответствии с ним. Более того, как и в случае с Отрывком 1, информация об интервьюируемом в конце этого отрывка тоже вызывает у меня вопросы. Я уже говорил, мы можем описать свою идентичность бесконечным количеством способов. Делая выбор в пользу одних характеристик (в данном случае это пол и род занятий), исследователи упускают из вида другие: например, семейный статус, количество друзей, братьев и сестер и т.д. Тем самым они отдают предпочтение определенному набору интерпретаций того, что говорят люди.

В конце концов Шерд так и не смогла ответить на вопрос: почему она, занимаясь гендером и особенностями вечернего времяпрепровождения, не воспользовалась спонтанным образом производимыми данными, не вышла, допустим, на улицу и/или не стала изучать, что пишут женщины о своем поведении в социальных медиа? Вопрос, на который я не нашел у нее ответа, таков: «Чем же плоха этнография?»

Заключение. Понятно, что мои аргументы могут порой восприниматься как выступление против интервью и в то же время как рекомендация в пользу одной узкой версии конструктивизма, включающей в себя этнометодологию и анализ разговоров (AP). Ответу на это так.

Первое, признавать важность того, как организована последовательность действий (включая разговор), НЕ значит сводить качественные исследования исключительно к AP.

Второе, вместе с тем это означает, что если вы хотите работать с данными интервью или с иными данными, произведенными посредством вмешательства исследователя (manufactured data), вам нужно анализировать последовательность разговора и следить за тем, как конструируется нарратив. В конце концов, качественное исследование – не просто набор процедур, а аналитический проект, отличный от журнализма.

Благодарности. Спасибо Кэти Чармаз (Kathy Charmaz) за замечания по исходной версии статьи.

REFERENCES

- Atkinson P., Silverman D. (1997) Kundera's Immortality: The Interview Society and the Invention of Self. *Qualitative Inquiry*. Vol. 3. No. 3: 324–345.
- Czarniawska B. (2012) When Is It Time to Move on? In: *Plenary Delivered at ESA Qualitative Research Mid-Term Conference*, September 21, University of Lund, Sweden.
- Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

- Gubrium J.F., Holstein J.A. (1997) *The New Language of Qualitative Method*. New York: Oxford University Press.
- Holstein J.A., Gubrium J.F. (2011) Animating Interview Narratives. In: Silverman D. (ed.) *Qualitative Research*. London: Sage: 149–167.
- Potter J., Hepburn A. (2007) Life Is out There: a Comment on Griffin. *Discourse Studies*. Vol. 9. No. 2: 276–282.
- Sheard L. (2011) «Anything Could Have Happened»: Women, the Night-time Economy, Alcohol and Drink Spiking. *Sociology*. Vol. 49. No. 4: 619–633.
- Silverman D. (2011) *Interpreting Qualitative Data*. 4th ed. London: Sage.
- Silverman D. (2013) *Doing Qualitative Research: A Practical Handbook*. 4th ed. London: Sage.

Перевод с англ. Н.В. РОМАНОВСКОГО, Н.К. ОРЛОВОЙ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович, д. ист. н., гл. науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН; проф. РГГУ (socis@isras.ru); ОРЛОВА Наталья Кирилловна, к. социол. н., ст. науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН (640410@mail.ru). Оба – Москва, Россия

WHAT COUNTS AS QUALITATIVE RESEARCH? SOME CAUTIONARY COMMENTS

SILVERMAN D.

Goldsmiths' College, London University, London, UK

David SILVERMAN – Prof. Emeritus, Department of Sociology, Goldsmiths' College, London and a Visiting Prof., Management Department, King's College, London, and Business School, UTS, Sydney (d.silverman@gold.ac.uk).

Abstract. Many PhD students begin as unconscious Naturalists or Emotionalists using interview studies to report people's «experience» of an unquestioned social «problem». An analysis of articles in one journal shows that this naive use of interview data has become the common currency of qualitative research. In a critique of one such article, I show how interview studies may simply reproduce interviewees' own accounts, glossed over by a few social science categories. By «mining» interviews for apposite extracts, such researchers lose sight of how sequence is consequential for what we say and do. Much more needs to be done if qualitative research is not to be just a set of techniques but an analytic project, different from journalism.

Keywords: qualitative research, interviews, data analysis, social theory.

Transl. by N.V. ROMANOVSKY, N.K. ORLOVA

Nikolai V. ROMANOVSKY, Dr. Sci. (Hist.), Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Prof., Russian State University for the Humanities (socis@isras.ru); Natalia K. ORLOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS (640410@mail.ru). Both – Moscow, Russia